

Путь к читателю

Марина КЛЕМЕНТЬЕВСКАЯ

БОРИС ВИКТОРОВИЧ
ШЕРГИН.
(НЕ)ЮБИЛЕЙНОЕ

Шергин. Это имя как пароль, который помогает отличить своего человека от чужого. Так с большой любовью и огромным уважением писала о нем исследовательница его творчества Е. Ш. Галимова.

Мне, студентке филологического факультета, на ум приходит немного другое: называешь фамилию Шергина преподавателю — улыбается и кивает, знает, помнит; называешь студенту — в глазах недоумение, смущение, но стоит напомнить мультфильмы по его сказкам — улыбается, это из самого детства, такое не забывают. Удивительно, но все, что удается наскрести в памяти студента о мастере слова, мастере сказа Борисе Шергине — это пара мультфильмов. Ну, хоть что-то, не совсем исчез он из памяти молодежи.

Впрочем, забывать его стали еще при жизни. Последние годы слепой писатель жил более чем бедно, а на его похоронах людей было ужасающе мало. Странно? Причины вполне понятны тому, кто читал рассказы Шергина и хоть немного знает историю России советского периода.

Разве мог быть принят советской властью молитвенный свет его произведений? Разве нужны были такие люди, каких он описывает и какими призывает быть? Удивляешься скорее, как такое могло быть напечатано, как автор избежал преследований, как мог почти всю свою жизнь обитать в Москве, оставаться членом Союза писателей, выступать на радио. Впрочем, и этому есть разумное объяснение. Любой запрет, любые гонения на автора — ведь это уже своего рода реклама. Власти избрали для Шергина другую казнь — казнь забвения.

Марина Валентиновна Клементьевская родилась в 1994 году. Бакалавр кафедры русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Живет в Санкт-Петербурге.

Видимо, поэтому, хотя со смерти писателя прошло не так уж много времени, в его биографии остается так много неясного, а исследование его жизни и творчества напоминает работу детектива. Ведь мы даже не можем с полной уверенностью сказать, что в этом году ему исполняется именно 120 лет, а не 123 года.

Всю жизнь Шергин указывал годом своего рождения 1896-й. Причем не только напрямую, но и косвенно. Например, в автобиографии для журнала «Нева» он писал: «Когда мне было 19 лет, в архангельских газетах появились первые мои рассказы о Севере, о северных людях». И ведь первый рассказ его был опубликован именно в 1915 году. И все поздравления с юбилеями от Союза писателей появлялись в печати в соответствии с 1896 годом рождения.

Однако вскоре после смерти Шергина была обнаружена метрическая книга, в которой его рождение зафиксировано под 1893 годом. Загадкой остается, почему Борис Викторович всю жизнь называл другую дату. И которая из них правильная. Ведь человек такой глубокой веры, такой удивительной нравственности не мог всю жизнь обманывать. А попытки прижизненной критики сделать из Шергина шутика-мистификатора не выглядят убедительными и скорее похожи на продолжение кампании по забвению.

Впрочем, на этом биографические загадки не заканчиваются. Известно, что, будучи совсем молодым, Шергин потерял ногу и был вынужден всю оставшуюся жизнь носить протез. Однако саму катастрофу биографы описывают по-разному: одни утверждают, что писатель попал под трамвай, другие — что это была вагонетка на принудительных работах во время интервенции. Сложно представить ситуацию, в которой человек, потеряв ногу и став на всю жизнь инвалидом, забыл бы о причине своего несчастья. Значит, дело не в памяти, а в чем-то другом. В чем? Здесь, впрочем, все немного понятнее: он мог изменить вагонетку на трамвай в своей автобиографии потому, что во время интервенции работал на белых и не хотел упоминать об этом в советское время.

Есть и еще один факт из биографии Шергина, на который стоит обратить внимание. Писатель, все творчество которого посвящено Архангельску, Поморью, Белому морю (его он трепетно называет Гандвиг), совсем молодым уехал из родного города в Москву, отучился в Строгановском училище и почти всю жизнь прожил в столице, которой, кстати сказать, не посвятил ни одного, если не считать дневников, произведения.

Таким образом, практически все произведения Шергина, действие которых происходит на Севере, написаны были далеко от места действия — в Москве. Знаменитый северный писатель провел на Севере только детство и раннюю юность.

С этим связана, должно быть, та особая, ласковая, трепетная интонация, которую приобретает сказ писателя, когда он описывает свою далекую недостижимую Родину, ведь из-за ухудшающегося зрения и инвалидности, а также из-за тяжелого материального положения поездки в Архангельск стали для него недопустимой роскошью, мечтой, светлым сном об утерянном рае. Слово «рай» здесь совсем не случайно — в беседе с писателем и художником Юрием Ковалем Шергин так ответил на вопрос о том, что такое для него рай: «Это — мое детство в Архангельске, живы отец и мать...»

Впрочем, возвращение было невозможно и по другой причине: тот Архангельск, который с трепетом вспоминает Шергин, например, в рассказе «Двинская земля», к тому времени уже не существовал больше нигде, кроме воспоминаний самого писателя. Время шло, город менялся. Отгремела революция, и Архангельск из чудесной деревянной сказки, в которой господствовал патриархальный быт XVII века, превратился в один из индустриальных областных центров СССР.

И только в рассказах Шергина, как в волшебном заповеднике памяти, сохранились образы этого сказочного мира, населенного людьми воистину удивительными, духовными и душевными, такими, какими их запомнил маленький Борис Шергин.

Все в шергинском Архангельске ладно, красиво: «Улицы в Архангельском городе широки, долги, прямые. На берегу или у торгового звена много каменного строения, а по улицам и по концам город весь бревенчатый. У нас не любят жить в камне. В сосновом доме воздух легкий и вольный. Строят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду. Дома еще недавно пестро расписывали красками, зеленью, ультрамарином, белилами.

Многие улицы вымощены бревнами, а возле домов оббегают по всему городу из конца в конец тесовые широкие «мостки» для пешей ходьбы. По этим мосточкам век был бегал. Старым ногам спокойно, молодым — весело и резво».

Очень приятно было бы верить, что только революция виновата в исчезновении этих удивительных поморов-богатырей, этого сказочного быта, этого изумительного города, в котором даже деревянные «мосточки» помогают быстрее и легче бежать по миру. Но, право, не обманула ли писателя память? Иными словами, был ли тот сказочный город, о котором пишет Шергин, на самом деле или красота его была только в глазах смотрящего, а точнее — вспоминающего?

Этнограф академик Максимов, посетивший город в конце XIX века, описывает его совсем в других красках: бедность, упадок торговли, обилие немцев, скупая архитектура, затухание народных ремесел, люди — неприветливые, неразговорчивые. Как же так, почему такие разные описания дают два этих автора? Почему, прочитав рассказы Шергина, группа молодых людей начала копить деньги на поездку в Архангельск (так гласят воспоминания друзей писателя), а после слов Максимова ехать туда совсем не хочется? Кто из них прав?

Видимо, по-своему правы оба. Ведь Шергин пишет не документальные очерки, а художественные произведения, и требовать от него объективности и точности изображения мы не вправе. Кроме того, пишет он не о реальном Архангельске, а о том прекрасном, сказочном, почти райском воспоминании детства, которое видится ему вдали от утраченной родины.

Идеализация? Да. Ложь? Нет. Скорее, светлая мечта-воспоминание о рае, населенном людьми, напоминающими святых и ангелов. Вот как, например, говорит героиня рассказа Шергина «Гость с Двины» своему благодетелю Андрею Двинянину: «Господине, господине! Человек ты или ангел? От сотворения мира не слыхана такая великая и богатая милость!»

Ведь это есть у многих авторов, правда, чаще в поэзии. Вспомнить хотя бы описания райских кущ в ранней лирике Набокова. Проза Шергина наравне с этими произведениями дает читателю возможность уйти от темной, тяжелой, гнетущей обыденности к светлой сказке, к почти что утопической Архангельской стороне. Дает возможность отдохнуть, помечтать, представить себе место, где добро всегда торжествует, где детство всегда счастливое, родители — внимательные и справедливые, люди вокруг честные и праведные, где за зимой всегда придет лето, а за летом — зима, и закончится судоходная пора, и все вернутся домой. Где смерть не страшна, ведь она не все заберет у человека, а только свое. Где природа все видит, все слышит, всех рассудит по справедливости.

Где «от Студеного океана на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвиг. В Белое море пала Архангельская Двина. Широка и державна, тихославная та река плывет с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем. Тут островами обильно: пески лежат и леса стоят. Где берег возвыше,

там люди наставились хоромами. А кругом вода. Куда сдумал ехать, везде лодку, а то и кораблик надо».

Этой мечтой, наверно, жил и сам Шергин, в ней спасался от жизненных тягот и невзгод. А их было предостаточно. По воспоминаниям писателя, однажды, встретив его, профессор Маргулис, обычно довольно скупой на сантименты, сказал: «Не много ли для одного человека?»

Много, очень много пришлось пережить, перестрадать. Из-за травмы Шергин вынужден был отказаться от любимой невесты — не хотел, чтобы ей пришлось связать свою жизнь с калекой. В Москве он жил в темном полуподвальном помещении, жил очень бедно, почти нищенствовал. Одолевали болезни, мучили головные боли, стремительно слабело зрение, последние произведения записывали под диктовку автора его родственники: сестра, племянник. Много несчастий ему пришлось пережить. Но ни одно из них не смогло заставить его отказаться от веры в людей, от светлого взгляда на мир.

Да, печатали Шергина неохотно, но ведь и писал он не так много. Зато каждое свое произведение оттачивал, обкатывал, как ясную жемчужинку. Каждый раз, переиздавая свои старые рассказы, Шергин что-то в них меняет, подправляет, уточняет. Чаще всего меняются знаки препинания. Казалось бы, мелочь. Но ведь именно они отражают интонацию, с которой звучит печатное слово сказителя, запечатленная речь его. Каждая новая редакция рассказов оказывается словно бы фотографическим снимком того, как произносил их сам автор, который очень большое внимание уделял звучанию своих произведений. Это действительно сказания, попавшие в писания, если воспользоваться словами самого Шергина.

Каждое свое произведение он много раз в разных вариантах рассказывал, выступал с ним и только после этого запечатлевал — записывал и публиковал. Но и на этом история не заканчивалась: словно живые, произведения Шергина продолжали меняться в его выступлениях, а значит, и на бумаге — и в каждой следующей книге наравне с новыми появлялись переработанные варианты старых рассказов.

Такая тщательная, никогда не прекращавшаяся работа Шергина над произведениями позволила Федору Абрамову, земляку писателя, назвать его мастером слова. Постоянное внимание к словам, к интонациям — вот, быть может, главные характеристики стиля Шергина. Его произведения напоминают наполненные самоцветами шкатулки: внимательный читатель обнаружит в них и изумруды старославянизмов, и причудливые кораллы поморских словечек, и потемневшее золото архаизмов, и разноцветные ракушки диалектизмов. Шергин играет с ними, подбирает яркие древние формы слов, но каждый раз их сочетание не кажется аляповатым: вкус автора, его внимание к слову позволяет сохранить стройность речи, ее органичность и ясность.

Все в его произведениях имеет смысл, каждое слово выполняет свою особую функцию: придает речи торжественность и молитвенную сосредоточенность, или, напротив, слегка подтрунивает над простоватыми жителями Поморья, передавая их меткие просторечные выражения, или помогает глубже погрузиться в жизнь мореплавателей и кораблестроителей через их особую терминологию. Каждый персонаж мира рассказов Шергина говорит по-своему, со своими особыми интонациями, выражениями, каждому дана своя речевая характеристика. Даже если автор не описывает внешний облик персонажа, читатель может представить его себе по тем репликам, которые он произносит.

Такая органичность соединения очень разных пластов лексики объясняется биографией Шергина: так говорили у него дома, когда он был маленьким. Судостроительные и мореходные термины он слышал от своего отца, который ходил

в море и строил корабли. Диалектные выражения и архаизмы — от бабушек и тетушек. А церковнославянскую лексику он узнал от матери, которая очень любила старинные религиозные книги и была настоящим знатоком старообрядчества. И вот прожив немало времени в Москве, Шергин сохранил речь своих родных и наделил ею своих персонажей.

Так, может быть, в этом особом языке и нет никакой заслуги автора, может, он просто не умел писать иначе, может, это и была его настоящая речь, речь архангельского мужичка, в которой намешаны и диалектные словечки, и устаревшие, и даже просторечные выражения? Нет, Шергин был образованным и высококультурным человеком. Он окончил Строгановское художественное училище в Москве, занимался наукой — изучал фольклор родного края, работал в Институте детского чтения. Если недостаточно биографических данных, обратимся к его произведениям.

Только невнимательному читателю может показаться, что все они написаны одним и тем же языком. На самом деле каждый рассказчик Шергина говорит по-своему: модная портниха то и дело добавляет в свою речь французские фразочки, молодой моряк — морские термины, художник — профессиональные названия материалов... А в речи рассказчика автобиографических текстов Шергина можно выделить несколько регистров.

Один — это торжественная высокая речь, в ней много архаизмов, а вот просторечные выражения в ней отсутствуют, синтаксические конструкции построены по всем правилам риторики:

«Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море.

В море долги и широки пути, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег.

Гремят голоса, как голоса многих труб, — голоса моря, поющие ужасно и сладко. А пошумев, замкнет свои тысячеголосые уста и глаже стекла изравнится».

А другой — это веселый сказ одного из «своих», из архангельских, тут не будет архаизмов, зато много диалектизмов, просторечий, синтаксис близок к разговорному: «Годов-то трех сыплю, бывало, по двору. Запнусь и ляпнусь в песок. Встану, осмотрюсь... Если кто видит, рев подыму на всю улицу: пусть знают, что человек страдает. А если нет никого, молча домой уберусь».

Переходы от регистра к регистру, как и, например, в произведениях протопопа Аввакума, которого очень любил Шергин, обусловлены тематикой повествования: если речь идет о величии Архангельской земли, о героических поступках ее сынов, то регистр будет высокий, торжественный, если же рассказчик повествует о смешных эпизодах из собственной жизни, то и регистр будет соответствующим — веселым, почти комическим. Шергин будто бы подбирает разные интонации, которые когда-либо были им услышаны на Родине.

Он вообще был очень внимательным слушателем, и сюжеты многих его рассказов основаны на том, что он слышал от жителей Поморья. Таков, например, рассказ «Митина любовь»: по воспоминаниям Шергина, он услышал эту историю от молодого солонбальского моряка, запомнил и на основе его повествования создал этот чудесный рассказ. И это только один из множества подобных случаев.

В чем же тогда мастерство Шергина, если почти все его сюжеты придуманы не им самим? В умении слушать и оттачивать услышанное повествование, придавать ему форму. Здесь как нельзя кстати оказывается высказывание Федора Сологуба о творчестве: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт». Точно так же поступает и Шергин: он берет необработанный, неограниченный алмаз народной речи и создает из него истинный бриллиант русской литературы, берет свои детские воспоминания об Архангельске и творит

сладостную легенду об удивительном городе и удивительных людях, его населяющих, легенду о рае на земле.

К несчастью, советской критике это не могло понравиться. Вышедшая в 1947 году книга «Поморщина-корабельщина» была встречена очень плохо. Всему виной доклад Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и последовавшие за ним изменения в политике Союза писателей. Критики обвинили Шергина в идеализации изжившего себя патриархального быта, говорили, что его произведения «пахнут церковным ладаном и елеем», наполнены псевдонародной идеологией.

И Шергин снова, как это было в книге «У песенных рек» (1939), в которой он опубликовал цикл «Сказы о вождях», вынужден был пойти на поводу у советских критиков и цензоров: из вышедшей в 1957 году книги «Поморские были и сказания» убраны многие диалектные слова; убрана церковная лексика («крестовые братья» стали вдруг «названными»); убраны слова о поморской Валгалле — Гусиной земле, где птицы беседуют с мертвыми; убраны слова о Страшном суде, об отходной, которую поют погибающие в открытом море перед смертью; название старообрядческой книги «„лица“ — миньютюры „Винограда российского“» заменено на нейтральное «разноцветные рисунки».

Убрано все то, что вызвало нарекания критиков. Все то, что составляло особую прелесть языка Шергина, особую духовную глубину его художественного мира. Но уже в следующей книге «Океан-море русское», спустя всего два года, все возвращено к старой редакции, яркая, живая манера повествования Шергина восстановлена.

Этим эпизодом, увы, не исчерпываются литературные мытарства Шергина. В 1950-е годы обрушилась на него история с так называемым подлогом: он помог полярнику К. С. Бадигину — дал ему свой список древней рукописи «Хождение Ивана Олельковича сына Новгородца», на которой тот построил свою диссертацию о кораблестроении в Древней Руси. Защита прошла успешно, но вскоре разразился ужасный скандал: подлинность рукописи была подвергнута сомнению, Шергина обвинили в подлоге. Группа ученых из Пушкинского Дома вынесла неутешительный для писателя вердикт: рукопись поддельная.

Каждый человек, хоть сколько-нибудь знакомый с биографией Шергина, с его отношением к миру, с его требованиями к себе, мог бы понять, что умышленный подлог был бы для него совершенно невозможен. Наиболее вероятным кажется объяснение, данное самим писателем: он не стремился слово в слово переписать рукопись, он копировал ее для своих личных целей, и потому ни о какой филологической точности тут не может быть и речи — она попросту не была ему нужна. А именитые лингвисты ждали точного воспроизведения древней рукописи и анализировали представленный им текст с этих позиций.

Кроме того, Шергин готовил рукопись для своих выступлений перед юношеской аудиторией, а значит, нет ничего удивительного в том, что многие сложные для детского уха древние формы были им упрощены, заменены более современными. Невнимание ученых к таким подробностям истории создания шергинского списка «Ивана Новгородца» и повлекло за собой печальный для автора итог: Шергин объявлен лжецом, обманщиком, его никто не хочет слушать, выступления его прекращаются, издатели не хотят публиковать его произведения. Всю оставшуюся жизнь писатель вынужден был доказывать свою невиновность, разгадывать, пожалуй, роковую загадку собственной жизни: был ли он обманщиком или нет.

Загадка эта, впрочем, до сих пор не получила окончательного решения. Как уже было сказано выше, работа филолога над биографией и текстами Шергина оказывается сродни работе детектива, следователя: поиск свидетелей, доказательств, разгадывание тайн его жизни, попытки оправдать автора удивительных рассказов, очистить

историю его жизни от наносной грязи, от лжесвидетельств, от попыток его оговорить. Ведь и этого тоже немало: ученые, например, пытались объяснить историю с подлогом пристрастием Шергина к алкоголю — совершенно невозможное для праведника и приверженца старообрядческих идей, каковым являлся писатель.

В романе Рэя Бредбери «451° по Фаренгейту», как мы помним, сказано: «Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например — не читать их». Книги Шергина никогда не запрещали, их автор не был репрессирован, но с ними поступили хуже. Их автора оговорили, сделали так, чтобы ему не верили, чтобы его не читали. Что же было такого в произведениях Шергина, чтобы с ними так поступили? Разве есть в них что-либо антисоветское? Не думаю. Напротив, во многих своих рассказах Шергин пытался примирить патриархальный быт поморов с новой советской жизнью.

Например, в рассказе «В отnose морском» герои едва не погибают в открытом море из-за того, что не хотят вступать в организуемые советской властью артели, противопоставляют себя коллективу. А в рассказе «Лебяжья река» мастера осваивают «новую тематику»: расписывают блюда самолетами, кораблями, советскими звездами. Между прочим, такие работы — это не выдумка автора: блюда и шкапулки, украшенные изображениями советских чудес техники вплоть до подводных лодок, можно встретить в музеях Архангельска.

И все-таки самые светлые рассказы Шергина связаны с дореволюционным Архангельском, с древними легендами, многие из которых наполнены религиозным чувством. Главным для героев его произведений оказываются семья, дом, природа, а не политические проблемы. Революция для них прошла незаметно, прошла мимо них. Быт их напоминает дореволюционный жизненный уклад.

Новые советские ценности не перекрывают для них то, что было важно для поморов всегда: внимательное и чуткое отношение к детям, к своей семье, честность по отношению к товарищам, милосердие к слабым, уважение к старшим, любовь к старинным книгам и преданиям и, конечно, глубокая привязанность к морю. Классовая борьба, социализм, партия оказались для этих людей пустым звуком. Им это было не нужно. А потому и они оказались не нужны советской власти.

Устои и принципы, которые Шергин воспевал в своих произведениях, отнюдь не были антисоветскими, до прямых высказываний против нового режима он доходил только в своих дневниках. Но не были они и советскими. Шергин призывал в своих произведениях к вечным идеалам человечности, а не к преходящим ценностям советской эпохи. Результатом этому стала та самая казнь забвением, о которой речь шла выше.

Непонятно только одно. Советская эпоха закончилась. Почему же не возвращается на пантеон великих русских писателей Борис Викторович Шергин? Впрочем, может быть, здесь все и не так плохо. Недаром ведь издающиеся сейчас тома собрания сочинений почти сразу после выхода становятся библиографической редкостью. Издание это очень красивое, с иллюстрациями — картинками самого Шергина, художника по образованию, и его фотографиями. Единственное, чего не хватает этим книгам, — хорошего комментария.

Своеобразие языка Шергина, обилие архаизмов и диалектизмов, его яркие описания поморского быта оказываются непонятными современному читателю. А если этот читатель к тому же не архангелогородец, то от него ускользают и всевозможные указания на совершенно конкретные места города, о которых идет речь в произведениях Шергина. Иными словами, если мы хотим, чтобы талант этого удивительного сказителя открылся как можно большему количеству читателей, комментарий просто необходим.

Но что может дать современному человеку Шергин? Зачем нам сейчас вспоминать о нем? Помимо удивительной красоты слога, произведения Шергина способны подарить читателю убежище от житейских невзгод. Они наполнены светлой радостью, ясным чувством «веселья сердечного», как назвал это сам автор. Читая его рассказы, ощущаешь, каким удивительно прекрасным может быть человек, если он честный, милосердный, внимательный к чужим горестям, умеет радоваться чужому счастью, если он находится в гармонии с миром, если он живет творчеством, если жизнь его полна весельем и радостью.

Но радость эта особенная. Радость возникает у героев Шергина только от свершения праведных дел, только тогда, когда радуются все вокруг. Радость для них невозможна, если она достигается за счет горестей для других. Так, например, не может обрести счастье Кирик в рассказе «Любовь сильнее смерти», потому что для его достижения он убил своего названного брата Олешу. Не может быть счастлив и Егор в рассказе «Егор увеселялся морем», пока не устраивает жизнь своей жены и любимого ею человека. Шергинское чувство радости всегда сопряжено с радостью ближнего, это всегда сорадование.

Веселье сердечное — это и то, что должно сопутствовать любому делу, будь то кораблестроение, хождение в море или художественное творчество. Шергинские мастера, а это особый пласт текстов — рассказы о мастерах своего дела, народных художниках и корабелях, каждую работу выполняют на совесть, как истинное произведение искусства. Но это не те произведения искусства, удел которых — пылиться в музеях. Каждая созданная ими вещь имеет практическое применение: это ткань, из которой можно сшить красивую добротную одежду, это мебель, которая украсит любую комнату и будет долго служить своему хозяину, это корабль, который понесет в море славную команду поморов. Художество и практическое применение для шергинских мастеров нерасторжимо связаны друг с другом, только тогда созданные ими вещи способны подарить то самое веселье сердечное и мастеру, и хозяину.

Но ошибкой было бы считать, что все произведения Шергина только о мастерах и их работе. Мир его рассказов велик и многогранен, в нем есть семья, дружба, любовь, жизнь и смерть, приключения, злоключения, всесильная морская стихия и уют дальнего родного берега. Он не ограничивается мастерской и трудовыми буднями. Неизменным остается только место действия — Архангельская земля, светлый образ которой проходит через все произведения Шергина.

При том, что в его рассказах мы можем встретить персонажей удивительной нравственности, Шергин никогда не опускается до банальных назиданий. Он только показывает нам, читателям, каким может быть человек, но не говорит при этом, что всем следует быть такими. Да ведь и герои его не картонные образцы добродетели — они тоже не всегда правы, не всегда поступают так, как велит им совесть. Однако, осознав свою ошибку, они всегда стараются ее исправить.

Произведения Шергина — это настоящий клад мудрости и веселья, и очень сложно найти человека, которого бы не заставили улыбнуться забавные рассказы о жизни иногда простоватых и наивных, но таких трогательных архангельских жителей. И очень жаль, что современный читатель не знает такого удивительно-го автора, каждый рассказ которого и есть то самое веселье сердечное. И не так уж важно оказывается, когда именно он родился, празднуем ли мы юбилей Шергина в этом году или нет, если это дает нам возможность сказать несколько слов о нем самом и о его произведениях.

Я встречала людей, которые никогда ничего не слышали о Шергине. Я встречала людей, которые слышали о нем, но ничего не читали. Но мне еще ни разу не встре-

тился человек, который бы читал рассказы Шергина и которому они бы не понравились. Каждый, познакомившись с этим удивительным автором, уносит в своем сердце частичку того самого веселья, той радости, которая, быть может, только одна и способна уберечь наш мир, сохранив в человеке человеческое. И в наших силах спасти эти удивительные рассказы от казни забвения, а значит, уберечь что-то в своей душе от гибели и разрушения.